

ТРАДИЦИИ & АВАНГАРД

Ежеквартальный журнал
художественной литературы

Издаётся с 2018 года

№ 3 (14) 2022

Содержание

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Алёна Белоусенко	4
Легенды и мифы не-Древней Греции. Рассказы	5
Сергей Круглов	27
Звонко зёрна застукали, дробно... Стихи	28
Анастасия Веколова.....	41
Первая газета. Повесть	42
Дмитрий Мурзин	136
Всё смешалось в миксере Облонских... Стихи.....	137
Павел Лаптев.....	144
Рассказы.....	145

Ольга Василевская	173
Три рассказа	174
Варвара Заборцева	199
Сегодня болото проглотит кого-то... Стихи	200
Полина Жеребцова	205
Тюкины дети. Документальный роман. Продолжение....	206
Александр Рекемчук	295
Юношеские стихи. Подготовка к публикации	
Антон Мусеева и Романа Сенчина	296

ДРАМАТУРГИЯ

Олег Селедцов	306
Сказка о потерянном времени	
По мотивам сказки Евгения Шварца.....	307
Полина Бородина	328
Лес. Детектив в тридцати трёх аудиозаписях	329

ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА, ОЧЕРК

Юрий Аврех.....	352
Страж Запада. Статья.....	353
Константин Комаров.....	360
Между Богом и болью. Рецензия.....	361

Проза

ПОЭЗИЯ

Алёна Белоусенко

Алёна Белоусенко родилась в 1992 году в городе Удомле Тверской области. Окончила экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, Литературный институт имени А. М. Горького. Рассказы и повести опубликованы в журналах «Наш современник», «Подъём», «Волга – XXI век», «День и ночь», «МолОко», «Традиции & Авангард» и других изданиях. Лауреат нескольких литературных конкурсов и премий, в том числе ежегодной премии сайта «Российский писатель» в номинации «Новое имя» (2015), премии «Болдинская осень» (2021). Живёт в Одинцове.

Легенды и мифы не-Древней Греции

Рассказы

Русалка

На погребении уже никто не решался спорить, утопилась Женя или утонула. Наташи не было: ей, наверно, не сообщили. Гроб закопали как-то совсем быстро. И родные говорили последние слова коротко, с натугой. Как будто за неимением чувств к дочери, её мама рассказывала, как хоронила свою мать. Слова отца были похожи на тост: «Нельзя родителям хоронить своих детей». Разве что тётя сказала, какая Женя была умная и серьёзная, даже в детстве. Это было чистой правдой. Брат промолчал – не считал обязательным или его душила вина?

В тишине наблюдали, как доделывают свою работу могильщики. Бедный Лёша, её бывший муж, сидел на коленях у ямы и просил прощения. «Да пусть хоть в могилу прыгает, мне-то что», – на чей-то вопрос громко ответила её мать. Без суда и следствия вся семья превратила его в козла отпущения: утопилась из-за тоски по нему, предателю. Он и у Жени был виноватым. Характер у неё был тяжёлый, и это тоже правда.

Пока я не переехала в другой город, держала здесь свой магазин одежды. Они ещё женатыми как-то пришли за рубашкой. Она и выбирала, и в примерочную носила, и за него говорила: «В этой – кривой, в той – старый». А он молчал. На мой вопрос, почему выбирает за него, сказала, что он индюк в этом деле.

О н а. Ну, какие тебе нравятся? – тоном учительницы.

О н. Я бы обе синих взял.

О н а. Нет, они скучные и почти одинаковые.

И купила что-то на своё усмотрение. А он ведь потом носил.

Про Наташу, вероятно, никто не знал. Поэтому и не сообщили. А если бы знали, то тем более не сообщили бы. Нужно ли ей это? У неё семья, ребёнок, правильная жизнь...

Прошло два года с Крыма. Тогда мы с Женей сидели у берега на ярких пуфиках под белой дощатой крышей беседки и ели алкогольное мороженое. По микрофону объявили открытый танцевальный урок, хотя был разгар дня. Целый час на сцене худо-бедно танцевали несколько женщин, повторяя движения за тренершей. У неё была модная причёска – с выбритыми до верхушек ушей висками и хвостом на макушке. Причём она выглядела вполне женственно и танцевала очень вкусно, как в клипах Бейонсе. Но почему это так всерьёз тронуло Женю, сказать не могу. Весь час она повторяла, что влюбилась в эти танцы, и притоптывала ногой.

После выступления Женя познакомилась с тренершей, Наташей, и сразу попросилась к ним в команду, не обсудив это со мной. Мы поссорились и почти весь отдых провели раздельно. Я загорала на пляже, пока Женя пропадала на танцах. Как-то ночью она плохо спала, ворочалась и светила экраном. Наверно, тогда всё и началось. Потому что следующим вечером она не пришла домой и написала, что ночует с девчонками. Долгое время я так и думала, что она просто влюбилась в танцы. Хотя и видела их рядом (Наташа провожала нас тогда до трансфера) и меня удивило, как восхищённо Женя смотрела на неё. Так девочки смотрят на красивых женщин, мечтая вырасти такими же. И это было странно для гордой, где-то жестковатой Жени.

А через год после Крыма она развелась с мужем и всё мне рассказала.

Мы сидели у неё дома, муж уже съехал к другой. Она встретила меня с опухшими лбом и губой – так наплакалась. Первые месяцы после развода он каждую ночь в кошмарах от неё уходил, не давал выспаться. И похудела на два размера – как раз того времени и фото на могиле. Но было у неё убрано, приготовлено, и я не сильно беспокоилась. А через полгода она и вовсе выкарабкалась из этой ямы – так мне казалось. Но, может, из ямы развода и выкарабкалась, а из своей главной, жизненной ямы – нет.

Вдруг, будто для передышки, чтобы высохли глаза от разговоров о муже, она начала:

– А ты знаешь, что меня в детстве брат домогался?

– Как «домогался»?

– Да вот так. На ночь просил с ним в кровати остаться, – видите ли, ему страшно одному. И когда засыпали, руку свою на моё бедро клал.

– Что ты?! Но до дела не дошло, нет? Ты родителям не говорила?

– Вроде не дошло. Да не говорят дети о таком родителям. И ты знаешь мою маму, я ей боялась сказать, что живот болит.

А может, было что-то страшнее, чем помнила Женя. И она это вдруг вспомнила и утопилась. Женин брат стоял ко мне спиной. Когда он поворачивал голову, я пыталась найти ответ в его лице: раскаивается или нет? Когда мы были маленькие, он нам с Женей кидал монетки с балкона, а мы носились и подбирали. А потом, счастливые, бежали за мороженым. Может, и в этом есть что-то плохое? Женя бы сказала, она многое могла объяснить, хотя и странным образом.

Как, например, она объясняла про себя. Подвела меня тогда к туалетному столику, на нём стояли фигурки русалок.

– Русалка – это не сказка, а реальная болезнь души, – сказала она. – И Лёша правильно сделал, что ушёл: я не умею любить по-человечески, я мужчин зазываю и убиваю. И родить не могу, потому что вместо матки и ног – хвост. Секса у нас три года не было. Из-за меня. Вот и подыскал шалаву, пятнадцать лет наших отношений засунул ей в дыру.

Её весь вечер бросало от самобичевания к злости.

Про Наташу рассказала не сразу, почти перед моим уходом. Мы вяло обсуждали планы на ближайший год, как вдруг она оживилась, будто вспомнила хороший анекдот. Я уже обрадовалась, что заканчиваем на хорошей ноте, а тут такие подробности.

– Помнишь Наташу с Крыма? Тренера? Так вот, она в длинных шортах ходила до колен, и ноги у неё были как будто мужские, накачанные. С крепкими коленями. Когда я у неё ночевала – ты ведь знаешь, должна знать: мы спали вместе. Так вот, самое главное. Она как-то репетировала у зеркала перед сном, а я не выдержала, слезла с кровати, на четвереньках подползла и впилась ртом в эти колени. И вот тогда я только почувствовала: да, я животное, я человек, слава богу! На следующий вечер пыталась повторить, а уже не то...

Разошёлся ветер, песок с могильных газонов неприятно колот кожу. Её мама сказала, что пора ехать домой, на поминки. На полпути она остановилась, схватила ладонями лицо сына и умоляюще сказала: «Сыночек». Сжала его в объятиях, как безвольную мягкую игрушку, и долго не отпускала.

Лёша остался у могилы. Я сказала, что у меня поезд и что тоже побуду немного здесь. Пока мы оба молчали, я нашла Наташу в соцсетях и написала, что сегодня хороним Женю на Акуловском кладбище: утонула в речке у дома. Она тут же ответила: «Мои соболезнования. Это большое горе, совсем молодая».

– Лёш, а ты знал Наташу, Женину подругу? – спросила я, когда все скрылись из вида.

– Нет.

Я кивнула:

– Лёш, она тебя любила.

Он нахмурился, как ребёнок от кислого, и встал с колен.

– Не надо вот этого. Я не знаю, что это было: любовь, не любовь. И не знаю, зачем она утонула. Я ведь не виновата-а.

«Виноват» он словно запел. Я молчала, он пытался успокоиться.

Вскоре за Лёшей приехала жена, и он ушёл. Я достала из сумки купленную вчера статуэтку и поставила рядом с венками. Холодная красота Жени на фото перекликалась с бледными губами и чёрными глазами фарфоровой русалки. В нашу последнюю встречу Женя сказала, что держит эти статуэтки дома, чтобы её болезнь переселилась в них и освободила душу. Назвала себя шаманом и посмеялась.

Ещё минуту я постояла, ожидая, что Женина душа освободится и что-то произойдёт. Солнце скроется за тучи, например. А после направилась к выходу, уже начиная принимать и кладбище, и солнце, которое почему-то светит на этом кладбище, и многое из того, чего даже Женя не могла объяснить.

Венера Подвальная

Подмосковье, тридцать три километра от МКАД, квартира чеканщика. Окна закрыты, но зимний ветер глухо посвистывает через раму. «Когда-то эту раму в самом деле мыла мама», – думает он. Сначала старую деревянную с облезлой краской, потом эту – гладкую, белую. Когда

женился, поставили дорогие пластиковые окна: ночная кукушка, то есть жена, перепела дневную – и выкинули вату сдохлыми мухами. Но мыла мама недолго и вскоре умерла от рака. Она долго умирала – это важно, – а потом только умерла.

Если бы судьба предложила, кого бы он вернул? Мать с того света или жену из другой семьи? Жену. Матери всё равно придётся умирать.

Уже не жена, а другая женщина, Маша из «Тиндера», стоит у раковины и чистит картошку. У неё ребёнок от прошлого брака, копеечная работа и преданный характер.

Сидя за ноутбуком, чеканщик смотрит ей в спину:

– Я сегодня в мастерской, наверно, заночую.

– А что так? – спрашивает она, в самом деле расстроившись.

– Дары не успеваем к сроку сдать.

«А зад всё-таки плоский. В целом ведь полненькая, а зад впуклый. Композиция нарушена», – думает чеканщик и возвращается к экрану.

– Как знаешь. А, я тебе приколы не рассказывала... – натянув улыбку, поворачивается она к нему.

– Ого. В Крыму наводнение, – прерывает чеканщик.

Маша не спеша смывает картофельную землю с рук, отключает воду. Он молчит, внимательно пробегая глазами по строчкам.

– У тебя ведь бывшая там до сих пор?

По-прежнему молчит.

– Ну ничего, наверно, не на берегу живут, не затопит, – то ли шутливо, то ли всерьёз говорит она.

Пока он обувается, Маша стоит рядом, прислонившись к стене. Чеканщик прячет взгляд: в конце концов, она ведь не виновата.

Он садится в свой тихий и мягкий «форд» и старается думать о приятном. О предстоящем переезде в другую